

УДК 13(082.1)
ББК 87
Н52

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С. Я. Левит
Заместитель главного редактора И. А. Осинювская

Редакционная коллегия серии:

Л. В. Скворцов (председатель), П. П. Гайденко, И. Л. Галинская,
П. С. Гуревич, В. Д. Губин, Г. И. Зверева, А. Н. Кожановский, И. В. Кондаков,
Л. А. Микешина, Ю. С. Пивоваров, И. И. Ремезова, А. К. Сорокин

Научные рецензенты:

доктор философских наук, профессор В. В. Васильев,
доктор философских наук, профессор В. Н. Садовский

Редактор И. И. Ремезова
Художник П. П. Ефремов

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
Проект № 09-06-07048

Неокантианство немецкое и русское: между теорией познания и критикой культуры / [под ред. И. Н. Грифцовой, Н. А. Дмитриевой]. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — 567 с. — (Humanitas).

ISBN 978-5-8243-1458-8

В монографии представлены результаты исследовательской работы интернационального авторского коллектива, в которых обосновывается историческое и актуально-эвристическое значение неокантианства для современной эпистемологии, философии науки, методологии социогуманитарного знания, философской антропологии и философии культуры. Впервые неокантианство рассматривается во взаимосвязи и взаимовлиянии оригинальных философских концепций его немецких и русских представителей, в полемике с оппонентами, что позволяет вскрыть мощный нерастраченный методологический и теоретико-философский потенциал этого, казалось бы, ставшего историей философского течения.

Книга предназначена исследователям современного философского процесса, эпистемологам, методологам, философам науки и культуры, историкам философии, а также всем интересующимся современными проблемами гуманитарных наук.

УДК 13(082.1)
ББК 87

ISBN 978-5-8243-1458-8

© Левит С. Я., составление серии, 2010
© Коллектив авторов, 2010
© Российская политическая энциклопедия, 2010

Предисловие

Предлагаемая вашему вниманию монография — результат совместной работы интернационального авторского коллектива. В ходе этой работы происходил интенсивный обмен идеями, тезисами и текстами как в рамках российских и международных инициативных проектов, семинаров и конференций, так и по всемирной сети Интернет.

Важной вехой в этом процессе стала Международная научная конференция «*Неокантианство немецкое и русское: от логики познания к социальной педагогике*», прошедшая в Российско-Немецком Доме 29—31 мая 2008 г. при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Немецкого научно-исследовательского Сообщества (DFG). Инициатором и непосредственным организатором этой конференции выступила кафедра философии Московского педагогического государственного университета при поддержке журнала Президиума Российской академии наук «Вопросы философии», факультета философии и психологии Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского (декан В. Н. Белов), профессора Ю. Штольценберга (Университет им. Мартина Лютера, Галле — Виттенберг, Германия) и Общества Германа Когена (Цюрих, Швейцария).

Дискуссии, состоявшиеся в рамках этой конференции и посвященные актуальнейшим вопросам современного этапа в исследованиях неокантианства¹, показали необходимость заново продумать те или иные позиции и представить читателю не просто сборник

¹ О дискуссиях, а также о ходе и содержании конференции см. подробнее: *Дмитриева Н. А.* Неокантианство немецкое и русское в прошлом, настоящем и будущем. Обзор международной научной конференции // *Вопросы философии*. 2009. № 3. С. 165—175. В книгу по разным причинам не вошли два весьма интересных текста: доклад Ю. Штольценберга о композиторском таланте и обширном музыкальном наследии философа-неокантианца П. Натюрпа и сообщение Н. А. Дмитриевой о Б. Л. Пастернаке — его юношеском увлечении музыкой, занятиях композицией и встрече с А. Н. Скрябиным. На конференции, состоявшейся в рамках конференции, прозвучали «Пьеса-фантазия № 1 ли минор» (ок. 1875) и «Прелюдия и fuga ми минор» (1907/08) Пауля Натюрпа; «Прелюдия ми-бемоль минор» (1906) и «Соната си минор» (1909) Бориса Пастернака, а также собственное произведение исполнителя — лауреата международных конкурсов, пианиста и композитора Ивана Анатольевича Тихомирова — «Диптих для фортепиано: хорал и токката для разных рук» (2000), удостоенное диплома на I Международном конкурсе композиторов и музыковедов им. А. Н. Скрябина.

Сведения об авторах

Махлин Виталий Львович — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

Мёксель (Möckel) Христиан — профессор философии Берлинского университета им. А. и В. фон Гумбольдтов (Германия).

Миклуш Кирилл Викторович — аспирант кафедры философии культуры факультета философии и психологии Саратовского государственного университета.

Миронова Дагмар — кандидат философских наук, доцент кафедры государственной политики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Мотрошилова Неля Васильевна — доктор философских наук, профессор, ведущая отделом истории философии Института философии РАН.

Муравьев Юрий Алексеевич — доктор философских наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин Российской академии образования (Москва).

Орт (Ort) Эрнст Вольфганг — профессор философии Университета г. Трира (Германия), президент Общества Макса Шелера, член президиума Кантовского общества Германии.

Пастернак Евгений Борисович — кандидат технических наук, биограф своего отца Б. Л. Пастернака и публикатор его произведений, в том числе «Полного собрания сочинений: в 11 томах» (Москва, 2003—2005, в соавторстве с Е. В. Пастернак).

Плотников Николай Сергеевич — доктор философских наук, научный сотрудник Рурского университета (Бохум, Германия).

Пома (Poma) Андреа — профессор философии Туринского университета (Италия).

Попова Варвара Сергеевна — кандидат философских наук, преподаватель кафедры философии и логики Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград).

Попова Ольга Андреевна — кандидат философских наук (Саратов).

Пружинин Борис Исаевич — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания Высшей школы экономики, главный редактор журнала «Вопросы философии» РАН.

Ренц (Renz) Урсула — приват-доцент, главный научный сотрудник кафедры философии Высшей технической школы Швейцарии (Цюрих).

Семёнов Валерий Евгеньевич — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Владимирского государственного университета, докторант кафедры истории зарубежной философии философского факультета Российского государственного гуманитарного университета.

Стейла (Steila) Даниэла — профессор философии Туринского университета (Италия).

Соболева Майя Евгеньевна — доктор философских наук, кандидат технических наук, научный сотрудник Марбургского университета (Германия).

Сокулер Зинаида Александровна — доктор философских наук, профессор кафедры онтологии и теории познания философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Фараджев Кирилл Викторович — кандидат философских наук, научный сотрудник Рурского университета (Бохум, Германия).

Акиндинова Татьяна Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры этики и эстетики философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Белов Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, ведущий кафедрой философии культуры, декан факультета философии и психологии Саратовского государственного университета.

Брюшинкин Владимир Никифорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и логики Российского государственного университета им. И. Канта (Калининград).

Грифова Ирина Николаевна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Московского педагогического государственного университета.

Дёмин Максим Ростиславович — кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных наук факультета социологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики.

Джованелли (Giovanelli) Марко — доктор философии, научный сотрудник Туринского университета (Италия) и коллоквиума по философии науки Университета г. Тюбинген (Германия).

Другач Тамара Борисовна — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

Дмитриева Нина Анатольевна — доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета, сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН.

Калишиков Леонард Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского государственного университета им. И. Канта (г. Калининград), председатель Российского Кантовского общества.

Крайнен (Krijnen) Кристиан — профессор философии Свободного университета г. Амстердама (Нидерланды).

Круглов Алексей Николаевич — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии Российского государственного гуманитарного университета (Москва).

Лейтмане (Leitmane) Ивета — доктор философии, научный сотрудник программы «Исследования иудаизма», Принстонский университет (Нью-Джерси, США).

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик РАН, академик РАО, председатель международного редакционного совета журнала «Вопросы философии».

Люфт (Luft) Себастьян — профессор философии Университета Маркуит (Милуоки, США).

Феррари (Ferrari) Массимо — профессор философии Туринского университета (Италия).
Фролов Александр Викторович — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры философии Московского государственного строительного университета.
Фьорато (Fiogato) Пьерфранческо — профессор философии Университета г. Сассари (Италия).
Хольцхай (Holzhey) Хельмут — профессор философии Цюрихского университета, почетный профессор Марбургского университета, президент Общества и Архива Германа Когена (Швейцария).
Штольценберг (Stolzenberg) Юрген — профессор философии Университета им. М. Лютера (Галле — Виттенберг), член президиума Кантовского общества Германии.
Эдель (Edel) Геерт — доктор философии (Германия).

Содержание

Предисловие.....	5
Введение.....	7
Раздел I. Кант и неокантианство	
<i>Глава 1. Неокантианство: кантовские сюжеты и мотивы</i>	15
Карлики на плечах гиганта? Рецепция Канта в неокантианстве (<i>У. Ренц</i>)	15
О метафизических проблемах в марбургском неокантианстве (<i>Х. Хольцхай</i>)	31
Функционализм как трансцендентальный принцип в философии Марбургской школы (<i>В. Е. Семёнов</i>).....	43
<i>Глава 2. Вокруг Канта: полемика и размышления</i>	56
О необходимости переоценки неокантианства в свете современной интерпретации системы И. Канта (<i>Л. А. Калинин</i>)	56
Право на Канта: к спору Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера (<i>М. Р. Дёмин</i>)	66
«Естественное чувство системы ради единства разума»: Герман Коген как читатель кантовской философии истории (<i>П. Фьорато</i>).....	85
Раздел II. Логика познания и философия науки	
<i>Глава 3. Неизбежные контакты: Гуссерль и неокантианство</i>	103
Ранний Гуссерль и неокантианство: Размежевание с Ф. А. Ланге в «Философии арифметики» (<i>Н. В. Мотрошилова</i>)	103
Конструкция и конституция, или Каково содержание опыта? Гуссерль vs. неокантианцы (<i>С. Люфт</i>)	117
Гуссерль vs. Кассирер: жизненный мир или символический универсум культуры? (<i>А. В. Фролов</i>).....	134
<i>Глава 4. Неокантианство и наука в философии А. Рилья</i>	143
Особенности философского критицизма Алоиза Рилья (<i>Д. Миронова</i>)	143
Алоиз Риль и культура знания в неокантианстве (<i>Э. В. Орт</i>)... ..	153

6. Религия в пределах только разума. Бог как следствие морали и моральной сущности человека, как имманентное трансцендентальному субъекту являющееся. Религия «открывает нам самую основную внутреннюю сторону душевной жизни, тогда как познание, воля и художественная фантазия представляют собой только способы выражения и доступного для понимания изложения того, что живет в глубине нашего сознания».

Системы, как видим, в принципиальнейших своих моментах лежат в пересекющихся плоскостях, с фиктивством же философия Марбурга и Бадена соприкасается многими точками. Следствия такого положения, по-моему, ясны.

М. Р. Дёмин Право на Канта: к слову Адольфа Тренделенбурга и Куно Фишера

«Итак, нужно вернуться назад к Канту»², — настойчиво повторял двадцатипятилетний Отто Либман. Этой фразой он заканчивал разбор каждого из выделенных им четырех философских направлений. Согласно классификации, разработанной молодым философом, после Канта немецкая философия была представлена «идеалистическим направлением» (к нему Либман отнес Фихте, Шеллинга и Гегеля); «реалистическим направлением» в лице Гербарта; Фриз оказался представителем «эмпирического направления», а Шопенгауэр — «трансцендентального». Обвиняя этих философов в эпигонстве, Либман утверждал, что дальнейшее развитие философии возможно только при условии возвращения к Канту³. Многократное повторение лозунга, призывающего к воз-

¹ *Наторп П.* Избранные работы. С. 103.

² Ввиду популярности фразы имеет смысл привести ее на языке оригинала: «Also muß auf Kant zurückgegangen werden». См.: *Libmann O.* Kant und Epigonen. Stuttgart, 1865. S. 110, 139, 156, 203.

³ Любопытно, что название книги Либмана «Кант и эпигоны» вариативно повторяет название программной рецензии Теодора Мунда «Иммельман и эпигоны» (1836), написанной по случаю выхода романа Карла Иммельмана «Эпигоны» (1836).

вращению, эмоциональный стиль книги, — всё это делало заметной парадоксальность воззвания: критику эпигонства при одновременном к нему призыве. Но несмотря на особенность изложения, а также на юношеский максимализм автора и явную предвзятость в оценках, книганискада успех и стала одним из символов возникающего неокантианства¹.

Действительно, труд Либмана показателен и может служить хорошей иллюстрацией того, как через взаимные обвинения и упреки в неадекватном прочтении кантовского наследия происходило возвращение к кёнигсбергскому философу. На этом фоне наиболее значимой дискуссией, во многом определившей новое прочтение «Критики чистого разума», стал спор Адольфа Тренделенбурга (1802—1872) и Куно Фишера (1824—1907) о характере пространства и времени в философии Канта. Однако значение полемики, развернувшейся вокруг Канта, не исчерпывается теоретическим содержанием аргументов, выдвинутых в процессе спора. Спор 1860—1870-х годов о правильном толковании Канта может быть рассмотрен в качестве того значимого риторического фона, на котором проходил поиск самоидентификации философского знания.

¹ *Yu kai tau* или «ни рыба, ни мясо»

Отто Либман с его работой «Кант и эпигоны» (1865) не был первым, кто провозгласил необходимость возвращения к Канту. С подобным призывом за восемнадцать лет до выхода книги выступил Христиан Вайсе в речи, произнесенной в 1847 г. по случаю вступления в должность профессора университета Лейпцига. В ситуации политической радикализации общества, предшествовавшей Мартовской революции 1848 г., в речи с программным названием «В каком смысле сегодняшняя немецкая философия снова ориентируется на Канта?» Вайсе призвал университетских философов сконцентрироваться на теоретико-познавательной проблематике в духе критической философии Канта при одновременном дистанциро-

¹ А. С. Богомолов отметил 1865 год как год одновременного выхода сочинений Дж. Х. Стерлинга «Секрет Гегеля» и О. Либмана «Кант и эпигоны» — книгу, «закладающую основу специфических для новой исторической эпохи, эпохи империализма, философских течений» (*Богомолов А. С.* Немецкая буржуазная философия после 1865 года. М., 1969. С. 4).

² *Weiße Ch. H.* In welchem Sinn die deutsche Philosophie jetzt wieder an Kant sich zu orientieren hat. Eine akademische Antrittsrede. Leipzig, 1847; *Holzhey H., Renz U.* Neukantianismus // *Enzyklopädie Philosophie*. Hrsg. von H. J. Sandkühler. Bd. 1. Hamburg, 1999. S. 939.

вании от публичной политики. В том же году, что и Вайсе, в должность секретаря философско-исторического класса Королевской академии наук в Берлине вступает Адольф Тренделенбург, к тому времени профессор Берлинского университета, автор двухтомных «Логических исследований», и представляет доклад «Об окончательном различии философских систем». Берлинский мыслитель начинает выступление с констатации, по его мнению, печального факта: философия страдает от избытка классификаций. Философские учения объединяют названиями, с которыми «связываются не только неопределенные представления, но и определенные приговоры (Aburteile)». Критикуя таксономические увлечения своих коллег, Тренделенбург, однако, сам формулирует новый принцип классификации. Он предлагает найти два противоположных понятия, «которые обуславливают и порождают другие понятия и благодаря этому являются центральной точкой системы»². Этими ключевыми понятиями, по мнению философа, должны стать «слепая сила» (blinde Kraft) и «осознанная мысль» (bewusster Gedanke). Определив таким образом исковую пару понятий, Тренделенбург утверждает три возможности их соединения:

«Первая возможность — та, в которой сила предстает мысли как первоначальная, — относится к *материалистическим* системам. [...] Другая возможность, согласно которой мысль как изначальная предстает силе, а сила выступает собственно как прислуживающая, осуществляется в *идеалистических* системах. [...] Третья возможность — та, которая мысль и силу разделяет только во взгляде, а не в основе»³.

Доклад демонстрирует попытку Тренделенбурга переориентировать философию и уйти от противопоставления субъективного и объективного, идеального и реального — противопоставления, по его словам, традиционного для немецкой философии, начиная с Канта. Использование для историко-философского описания (для характеристики и оценки той или иной философской системы) понятия силы отсылает к современному Тренделенбургу естественно-научному контексту. В частности, понятие силы выступает в качестве центрального в программной статье Германа Гельмгольца «О сохранении силы» и в ряде скандально известных работ Роберта

¹ *Trendelenburg A. Über den letzten Unterschied der philosophischen Systeme (1847) / Hrsg. von H. Glockner. Stuttgart, 1949. S. 20.*

² Там же. С. 21.

³ Там же. С. 28.

Майера! Открытие перехода одной формы энергии в другую (механической в тепловую) свидетельствует о наличии единого и, что главное, доступного эмпирическому наблюдению свойства, общего для всех видов явлений. В этом случае понятия «движение», «теплота» и «сила» могут использоваться как синонимы, что, в свою очередь, стирает грань между живой и неживой природой. Тезис, что движение свойственно не только пространственному (телесному) миру, но и духовному, к середине XIX в. приобретает острое идеологическое звучание.

Учет этого идеологического контекста позволяет прояснить важную интенцию доклада Тренделенбурга. Публичная лекция в Академии наук руководителя открывшегося отделения — «философско-исторического класса» — предполагала присутствие представителей остальных отделений, в том числе — представителей «физико-математического класса», тоже недавно организованного. Такой жанр научного выступления налагал определенные ограничения и на выбор темы (она должна была быть актуальной для большинства слушателей), и на стиль изложения (аргументация должна была быть понятной ученым других специальностей). Избран в качестве темы выступления историко-философскую проблематику, Тренделенбург отнюдь не собирался ограничить ее узкопрофессиональным анализом. Историко-философский материал должен был выступить лишь фоном, позволяющим Тренделенбургу очертить проблемное поле современной ему философии. В частности, используя для описания истории философии терминологию, семантически связанную как с натурфилософией, так и с актуальными в то время дискуссиями в естествознании, Тренделенбург демонстрирует готовность философии принимать достижения других наук.

Обращение Тренделенбурга к истории философии выступает ее своеобразной формой саморефлексии. В рамках заявленного подхода к классификации философских направлений идеализм и материализм, уравненные как полярные направления, фактически получают одинаковый статус. Более того, длинные экскурсы в историю не только идеализма, но и материализма (оба направле-

¹ *Гельмгольц Г. О сохранении силы. М.: Л., 1934; Майер Р. Закон сохранения и превращения энергии. Четыре исследования 1841—1851. М.: Л., 1933. Показательные выводы, которые были сделаны Энгельсом на основе этих работ: «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящее во вселенной изменении и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» (Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 391).*

ния берут истоки в Античности) служат легитимации материалистического направления, включая его в «большую» историю философии¹. Это было чрезвычайно важно, если иметь в виду широко распространенное отношение представителей естествознания к философии как дискредитировавшей себя области знания.

По мнению Тренделенбурга, «системы силы» и «системы мысли» должны быть поняты не как отрицающие друг друга направления, а как конкурирующие базовые объяснительные модели. Однако сам Тренделенбург склоняется к третьему направлению, которое в работе одного из его учеников получит название идеал-реализма². В отличие от своего коллеги Вайсе Тренделенбург не предлагает вернуться к Канту:

«Спиноза является собственно всемирно-историческим представителем этой третьей возможности, лежащей во всеобщих соотношениях мысли и силы»³.

Для Куно Фишера 1847 год — это также год, значимый в его интеллектуальной биографии. Именно в этом году он делает первый важный шаг в своей академической карьере: завершает и представляет к обсуждению диссертационное исследование. Диссертация, посвященная платоновскому диалогу «Парменид», заслуживает особого внимания, так как в ней намечаются черты философской концепции уже зрелого Фишера. Исследование античного диалога, написанное по-латыни и содержащее обильные цитаты на древнегреческом, заканчивалось выводами, которые автор формулировал на немецком языке:

«Там, где Платон доказывает необходимость тождества (Identität), он демонстрирует, что *единое не может быть помыслено без многого*, а *многое без единого*. Итак, он идет от *понятия единого к бытию* и различию и таким же образом от *понятия многого* к *единому*. *Необходимое тож-*

¹ Kühne-Bertram G. Zur Rezeptions- und Wirkungsgeschichte des Materialismusstreits in den Philosophien von Schülern F. A. Trendelenburgs // Weltanschauung, Philosophie und Naturwissenschaft im 19. Jahrhundert. Bd. 1: Der Materialismusstreit. Hrsg. von K. Bayeritz, M. Gerhard, W. Jaeschke. Hamburg, 2007.

² Ueberweg Fr. Über Idealismus, Realismus und Idealrealismus // Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. Bd. 34 (1859). S. 63–80. О том, что предложенная Тренделенбургом модель типологизации философских учений, где после постулирования двух крайностей предлагалась «правильный» вариант, оказалась чрезвычайно востребованной см.: Kühnke K. Ch. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus. Die deutsche Universitätsphilosophie zwischen Idealismus und Positivismus. Frankfurt am Main, 1986. S. 172–175.

³ Trendelenburg A. Über den letzten Unterschied... S. 30.

дество обоих является при этом не непосредственным, но *понятийным тождеством*, в котором единое раскрывается во многом через свое понятие, а многое определено в едином. Но это тождество произведено не только посредством *диалектического процесса: так же, как множественно возведено к единству, так и единство развито до множественности*¹.

Данное рассуждение кажется примечательным не только как выражение философского кредо самого Фишера, но и как отражение специфических стандартов историко-философской работы.

Понятийное тождество единого и многого, выявленное Фишером в платоновском диалоге, несомненно несет отпечаток гегелевской философии. Под влиянием Гегеля и в духе распространенной в среде младогегельянцев моды на пантеизм Фишер начинает интересоваться философией Спинозы. Идеологический контекст, во многом актуализовавший обращение Фишера к Спинозе, тезисно выразил Л. Фейербах:

«Спиноза — прямой основоположник современной спекулятивной философии. Шеллинг ее восстановил, Гегель ее завершил.

“Пантеизм” — *необходимое следствие* теологии (или теизма), *последовательная* теологии; “атеизм” — *необходимое следствие* “пантеизма”, *последовательный* “пантеизм”².

Однако если для Давида Фридриха Штрауса и Бруно Бауэра спинозизм как пантеизм обозначал позицию, антихристианские тенденции которой можно вычитать уже в философии Гегеля, для Фишера спинозизм символизировал неограниченные возможности понятийного познания. В исследовании, посвященном Спинозе, Фишер так характеризует близкую ему самому философскую позицию:

«Философия и рационализм, в смысле всеобъемлющего разумного познания, обозначают одно и то же. Рациональное познание требует познаваемости всех вещей, всеобъемлющей и однородной связи всего познаваемого, ясности и отчетливости всякого истинного познания. Оно не терпит ничего непознанного в природе вещей, никакого пробела в связи понятий. Если оно действительно разрешает эту свою задачу, то оно постигает единую связь, которая объемлет собою все, единое, в котором постигается все, [т. е.] всеединое, вне которого нет

¹ Fischer K. De Platonico Parmenide. Pforzheim, 1849. P. 103.

² Фейербах Л. Предварительные тезисы к реформе философии (1842) // Фейербах Л. Сочинения. В 2 т. Пер. с нем. М., 1995. Т. I. С. 70.

ничего и которое поэтому должно быть признано равным совершенству или божественному существу. В этом познании вечный порядок всех вещей постигается в своей последней основе как Бог, а Бог в полном обнаружении своего могущества — как вечный порядок; именно это равенство обозначают словом «пантеизм»¹.

Пантеизм как философское течение обострил проблемы, связанные с пониманием религии, а развернувшаяся вокруг него полемика приняла вид межфакультетского конфликта². Участие в споре о пантеизме, затронувшем интересы как философии, так и теологии и христианской религии, закончилось для Фишера весьма печально. Как известно, по выдвинутому профессором теологии Даниэлем Шенкелем против приват-доцента Фишера обвинению в проповеди пантеизма философ в 1853 г. был лишен *ius legendi*, то есть права читать лекции. Шумный скандал вышел далеко за пределы академического сообщества. Лишенный возможности преподавать в Гейдельберге, через два года Фишер пытается устроиться на должность приват-доцента в Берлинский университет. Тренделенбург, занимавший в то время должность декана философского факультета, оказывает содействие Фишеру. В конце концов стремление Фишера продолжить академическую карьеру увенчалось успехом: в 1857 г. он приступил к работе в Йенском университете³.

За время, которое Фишер вынужденно провел вне университетских аудиторий, он задумал и начал реализовывать масштабный проект по изданию многотомной «Истории философии Нового времени» («Geschichte der neueren Philosophie»). Второй том этого издания был посвящен Спинозе. Именно в ходе анализа учения Спинозы Фишер впервые формулирует критические высказывания в адрес Тренделенбурга. Он пересказывает основные идеи доклада Тренделенбурга «Об окончательном различии систем» и приходит к следующему выводу:

«[...] основной взгляд Тренделенбурга на спинозизм [...] обусловлен предположкой, что сила, слепая материя или протяженность образуют

¹ Фишер К. Спиноза, его жизнь, сочинения и учение / Пер. с 4-го нем. изд. С. Л. Франка. СПб., 1906. С. 558—559.

² Подробнее о фигуре Спинозы в историко-философских исследованиях первой половины XIX в., а также о роли пантеизма в философии в этот период см.: Schneider U. J. Philosophie und Universität: Historisierung der Vermunft im 19. Jahrhundert. Hamburg, 1999. S. 277—281.

³ Подробнее биографию К. Фишера см.: Руквишицков А. Б. Куно Фишер. Биографический очерк // Фишер К. История Новой философии. Декарт: Его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1994. С. XV—XXVI.

одно и то же понятие. Не так обстоит дело у Спинозы. [...] Мышление и протяженность у Спинозы совершенно сходятся в исключении целей, в осуществлении причинности; поэтому то и другое совершенно самостоятельно производят один и тот же порядок вещей. [...] Нет вообще ни одной системы, которая была бы подобным «ни то, ни се», каким, по мнению Тренделенбурга, является спинозизм — нечто ни рыба ни мясо (ein Ding, welches weder Fisch noch Fleisch ist)¹.

Доклад Тренделенбурга «Об окончательном различии...», а также последующая его работа о Спинозе² предлагали переосмыслить философию Спинозы и вывести мыслителя из-под подозрения в идеологической неблагонадежности. Констатируя, что классификация философских учений 1840-х годов не только допускают крайнюю неопределенность предлагаемых дефиниций, но и ведут к «определенным приговорам», Тренделенбург, по-видимому, имеет в виду случаи со Штраусом и Бауэром³. Порочая практику идеологических репрессий, Тренделенбург стремится к обновлению языка описания истории философии, а вместе с тем и к смене исследовательского интереса. В отличие от Фишера, для которого Спиноза — пантеист, Тренделенбург указывает на Спинозу как на единственного представителя особого мировоззрения⁴, подчеркивая оригинальность его учения о субстанциях. Поэтому вряд ли несогласие Куно Фишера с толкованием философии Спинозы, предложенным Тренделенбургом, и данная этой интерпретации

¹ Фишер К. Спиноза... С. 571—572. Перевод сверен по изданию: Fischer K. Spinozas Leben, Werke, und Lehre. 4. Aufl. Heiderberg, 1898. S. 562. Последняя часть предположения, где Фишер, характеризует Спинозу Тренделенбурга, использует идиоматическое выражение «ни рыба, ни мясо», показавшееся С. Л. Франку, видимо, неуместным, была при переводе опущена.

² Trendelenburg A. Über Spinoza's Grundgedanken und dessen Erfolg // Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin. 1849. S. 275—330.

³ Давид Фридрих Штраус потерял академическое место в 1835 г., после чего получил скандальный отказ от профессуры в университете Цюриха. В 1842 г. и Бруно Бауэр был лишен права преподавать.

⁴ В этом докладе Тренделенбург пользуется термином «Grundansicht» («Основное воззрение»). В то же время, между понятиями «основное воззрение» и «мировоззрение» существует прямая связь. Именно Тренделенбург был одним из первых, кто использовал понятие «мировоззрение» в близком современному пониманию смысле. О влиянии статьи «Об окончательном различии систем» на работу В. Дильтея «Типы мировоззрения и их формирование в метафизических системах» (1911) см.: Wacht J. Die Typenlehre Trendelenburgs und ihr Einfluß auf Dilthey. Tübingen, 1926. Исследование трансформации философии как мировоззрения и роли в этом процессе Тренделенбурга см.: Kreiter B. G. Philosphie as Weltanschauung in Trendelenburg, Dilthey, and Windelband. Amsterdam, 2007: <http://date.ubv.u.vu.nl/bitstream/1871/10750/1/dissertation.CRC.19032007.pdf>

характеристика могут быть объяснены только текстологическими различиями «Этики». Анализ интерпретаций Спинозы, представленных в работах Тренделенбурга и Фишера, позволяет предположить, что полемика между ними могла быть интензивной и длительной. Однако этого не произошло. В 1860—1870-е годы философия Спинозы как предмет историко-философской полемики оказалась невостребованной. Вакантное место заняла философия Канта.

Предложенное Тренделенбургом новое философское учение, позволяющее, разделяя принципы идеализма, активно использовать результаты современного естествознания, кажется Фишеру неприемлемым именно из-за своей двойственности. Фишер, который непосредственно убедился в существовании границы между философией и теологией и на собственном опыте в период политической реакции почувствовал легкость преодоления рубежей академического пространства, мог себе позволить согласиться только с историко-философской трактовкой учения Спинозы. Позже, в своем исследовании философии Гегеля Фишер поведает читателю о том, что, будучи студентом тюбингенского «Шифта», Гельдерлин впишет в альбом своего друга и сокурсника Гегеля знаменитый девиз — *«Eu kai páv»*. С пафосом историк философии подытожит:

«Для великих дел, которые был призван совершить Гегель, необходимы были два крыла: любовь к эллинскому миру и страсть к философии»¹.

В девизе «Всё и одно» Фишер видит такое соединение: пантеизм для него — путь возвращения к раннеромантической философии. Мифологизируя и идеализируя ее, Фишер не может принять воззрения Тренделенбурга. Стремление последнего к «онаучиванию» философии кажется Фишеру ведущим к аморфизации, к превращению философии в «ни то, ни сё», в «ни рыбу, ни мясо».

От интеллектуального созерцания — к физиологии зрения

В 1865 г., когда Отто Либман выпустил книгу «Кант и эпигоны», его учитель Куно Фишер внес свой вклад в реактуализацию кантовского учения. В этом году вышло переиздание лекционного курса Фишера «Системы логики и метафизики или наукоучения», впер-

¹ Фишер К. Гегель. Его жизнь, сочинения и учение. Первый полутом / Предисл. В. Вандека и М. Тимоско. М.: Л., 1933. С. 11.

вые изданного в 1852 г.¹ Как следовало из подзаголовка к новому изданию, курс был полностью переработан. «Логические исследования» Тренделенбурга, которые в 1862 г., двадцать два года спустя после первого издания, также были переизданы автором, явились главным объектом полемических пассажей Фишера². Во введении Фишер даже специально отговаривается:

«Среди современных работ, которые относятся к логике, для меня оказались очень важными «Логические исследования» Тренделенбурга, и я поставил себе специальную задачу в тех вопросах, где я с ним в истории логики сталкиваюсь, сравнить все тонкости, как в изложении (Darstellung), так и в проверке»³.

И действительно, во второй редакции «Системы логики», которая стала объемнее первой более чем в два раза, изложено и критике Тренделенбурга посвящено значительное количество страниц. Ответ Тренделенбурга не заставил себя долго ждать. Два года спустя он публикует статью «О бреши в кантовском доказательстве исключительной субъективности пространства и времени» (1867)⁴. Фишер, в свою очередь, в острой полемической форме возражает Тренделенбургу во втором издании своего сочинения о философии Канта (1869)⁵, на что Тренделенбург отвечает брошюрой «Куно Фишер и его Кант» (1869)⁶. В полемическом азарте Фишер пишет сочинение «Анти-Тренделенбург» (1870)⁷. Полемика охватывает все немецкоязычное философское пространство: в общей сложности этой теме было посвящено порядка пятидесяти различных брошюр, приложений и рецензий⁸.

¹ Любопытно отметить, что инициатором последнего переиздания этого труда и автором вступительного слова стал Г.-Г. Гадамер. См.: Fischer K. Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre / Herausgegeben und eingeleitet von H.-G. Gadamer. Heidelberg, 1998.

² «Логические исследования» Тренделенбурга цитируются в авторском переводе по изданию: Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. 2. Aufl. Bd. 1. Berlin, 1862 (сокр.: LU I); Trendelenburg A. Logische Untersuchungen. 2. Aufl. Bd. 2. Berlin, 1862 (сокр.: LU II). Дополнительно приводятся соответствующие номера страниц русскоязычного перевода Е. Ф. Корша: Trendelenburg A. Логические исследования. Т. 1—2. М., 1868 (сокр.: ЛИ I; ЛИ II).

³ Fischer K. System der Logik und Metaphysik oder Wissenschaftslehre 2. Aufl. Heidelberg, 1865, S.V.

⁴ Trendelenburg A. Über eine Lücke in Kants Beweis von der ausschließenden Subjektivität des Raumes und Zeit // Historische Beiträge zur Philosophie. Bd. 3. Berlin, 1867. S. 215—276.

⁵ Fischer K. Geschichte der neueren Philosophie. Bd. 3. Heidelber, 1869.

⁶ Trendelenburg A. Kuno Fischer und sein Kant. Eine Entgegnung. Leipzig, 1869.

⁷ Fischer K. Anti-Trendelenburg. Eine Gegenschrift. Jena, 1870.

⁸ Библиографический комментарий см.: Vaihinger H. Commentar zur Kritik der reinen Vernunft. 2. Aufl. Stuttgart; Berlin; Leipzig, 1922. Bd. 2. S. 545—548.

Понять претензии Фишера к Тренделенбургу невозможно без изложения философской позиции Тренделенбурга. «Логические исследования», история создания которых относится к началу 1840-х годов, связаны с критикой гегелевской концепции «Науки логики». В основе метафизической конструкции Тренделенбурга, в архитектуре которой можно увидеть влияния раннего Шеллинга, профессора из университета Киля Эриха фон Бергера и концепции диалектики Фридриха Шлейермахера, лежит постулируемая философом оппозиция мышления и бытия.

В духе философии 1840—1850-х годов Тренделенбург переосмысливает понятия «опосредование» (*Vermittlung*) и «непосредственность» (*Unmittelbarkeit*)¹, что позволяет ему разработать оригинальную концепцию движения (*Bewegung*) как элемента, опосредующего бытие и мышление. Движение, согласно Тренделенбургу, характеризуется как «внешний» мир (бытие), так и «внутренний» мир (мышление). Движение мысли получает у него название конструктивного (*konstruktive*) движения, оно сообщается с бытием посредством созерцания:

«Мы называем это движение, в противоположность движению в пространстве, *конструктивным* (*konstruktive*) и познаем его, прежде всего, в созерцании. В созерцании мышление выходит за свои пределы, и происходит это посредством движения» (*LUI. S. 142—143; LUI. S. 129*).

Концепт созерцания, противопоставленный понятию «интеллектуального созерцания», используется Тренделенбургом как один из самых важных аргументов в критике «Науки логики» Гегеля. Тренделенбург предлагает строить логику, исходя из факта существования наук². В своей концепции логики, получившей терминологическое оформление лишь во втором издании и обо-

¹ Подробнее о том, как трансформируется понятие «непосредственность» в работах Тренделенбурга, позднего Ф. Шеллинга, Л. Фейербаха, младогегельянцев, М. Тесса и К. Маркса (в этом контексте также всплывает имя С. Кьеркегора), см.: *Arndt A. "Neue Unmittelbarkeit". Zur Aktualisierung eines Konzepts in der Philosophie des Vormärz // Philosophie und Literatur im Vormärz. Der Streit um die Romantik (1820—1854) / Hrsg. von W. Jaeschke. Hamburg, 1995. S. 207—233.*

² Критика Тренделенбургом диалектического метода Гегеля спровоцировала дискуссию о реформе образа логики и дала «первую ясную перспективу для обновления философии»: *Ströker E. Beziehungen der Wissenschaftstheorie zur Erkenntnistheorie im 19. Jahrhundert // Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie / Hrsg. von W. Marx und E. W. Orth. Würzburg, 2001. S. 18.* См. также: *Hartwig F. Reform Efforts of Logic at Mid-nineteenth Century in Germany // World Views and Scientific Discipline Formation / Ed. by W. Woodward, R. S. Cohen. Dordrecht, 1991. P. 247—258.*

значенной им как «теория науки», Тренделенбург делает акцент на методологическом структурировании частных дисциплин. Тренирование, представляемые Тренделенбургом к формальной логике, ассоциирующейся для него с именем Канта, следует понимать в контексте изменения места логики в структуре философских дисциплин. Это означает, что, по мнению Тренделенбурга, формальная логика должна ограничить свои претензии на познание существующих характеристик бытия.

Критика кантовской концепции пространства и времени как субъективных форм является продолжением размышлений Тренделенбурга о познавательной ценности логики:

«Всё кантианское направление исходит из того, что разделяет все познание на независимое от объектов и зависимое от условий созерцающего и мыслящего духа. И так как у Канта господствует противоположное субъективного и объективного, то он пытается научно доказать, что пространство и время должны быть субъективными формами созерцания» (*LUI. S. 156; LUI. S. 142*).

Ссылаясь на второй и третий параграфы «Трансцендентальной эстетики» кантовской «Критики чистого разума», сам Тренделенбург оговаривает свое прочтение Канта:

«Разумеется, Кант сильно возражал против высказываний, что провозглашаемая им идеальность пространства и времени превращает весь чувственный мир в пустую видимость. Но мы представляем не то, что Кант хотел бы, мы говорим о том, что получается против его воли» (*LUI. S. 159; LUI. S. 148*).

Несмотря на то, что претензии к Канту в «Логических исследованиях» имеют прямое отношение к трансформации образа логики, предложенной Тренделенбургом, Фишер концентрирует внимание только на проблеме пространства и времени, то есть на частном случае критики. Фишер не замечает постулата своего оппонента, утверждающего, что созерцание не может быть написано ни мышлению, ни бытию. Согласно изложению Фишера, Тренделенбург утверждает существование вещей отдельно от конституирующей деятельности (человеческого) созерцания:

«Движение является производящей деятельностью одновременно в мышлении и в бытии; оно одновременно идеальное и реальное, конституирующее и материальное. Поэтому пространство и время оба одно-

временно являются необходимыми и первыми продуктами движения: чистое созерцание в нас и реальные факты (Realitäten), независимые от нашего созерцания, вне нас»¹.

Хотя Фишер и указывает на существенные недостатки в аргументативной базе Тренделенбурга, такая интерпретация идей последнего представляется неадекватной. Закончив излагать позицию своего оппонента, Фишер пускается в рассуждения о недопустимости интерпретации Канта, предложенной берлинским профессором:

«„Логические исследования“ могут опровергнуть это доказательство, однако они не могут сказать, что он [Кант. — М. Д.] ошибся, ибо тогда в “Критике” ошибочно абсолютно всё, на чем она основывается. Иначе всё просмотрел в своей “Критике” Кант: он знал, что пространство и время должны быть созерцаниями, изначальными созерцаниями; что они должны быть лишь созерцаниями (bloße Anschauungen), только этот взгляд делает “Критику” тем, что она есть»².

Дискуссия о том, как понимать «трансцендентальную эстетику» Канта, — как реалистическую или как идеалистическую теорию опыта — образует то пространство, на котором делается возможное обсуждение вопросов о месте и статусе философии, о ее программе. Апелляция к наукам для Тренделенбурга выступает в качестве важного аргумента в пользу собственного философского построения. Убеждая в необходимости принять его точку зрения, Тренделенбург прибегает к методу доказательств от обратного:

«Если науки имеют в себе столько достоверности, сколько им удалось подчинить (unterwerfen) своему наблюдению, расчету и конструированию (Construieren), то эта достоверность окажется сомнительной, когда будет учитываться только субъективный принцип пространства и времени» (LUI. S. 161; ЛИ I. С. 148).

А для большего риторического эффекта Тренделенбург вопрошает: «Возможно, они как раз потому необходимы для духа, что он необходим для вещей?» (LUI. S. 162; ЛИ I. С. 149).

Тренделенбург уподобляет логику с ее задачей понять процесс познания физиологии или оптике, которые изучают процесс зрения. По мнению берлинского философа,

¹ Fischer K. System der Logik und Metaphysik... S. 174.

² Там же. S. 175—176.

«зрение можно определить только через зрение, точно так же, как мышление только через мышление» (LUI. S. 131; ЛИ I. С. 116). «Если должно быть показано, как образ (Bild) внешнего предмета может возникнуть на сетчатке, [...] то это познание окажется возможным только с помощью и посредством видения опосредующей конструкции (durch das Gesicht vermittelten Constructionen). Мысль находится в основе зрения, и сама она возможна только посредством зрения» (LUI. S. 131; ЛИ I. С. 116).

Тренделенбург полагает, что зрение уже изначально сформировано согласно априорным структурам, которые неотделимы от самого процесса зрения¹. Такое новое представление Тренделенбурга о созерцании формируется благодаря исследованию зрения, принятому его современником, берлинским физиологом Иоганном Мюллером².

Действительно, на основании экспериментов Мюллер приходит к выводу об отсутствии причинной связи между стимулом и реакцией в области восприятия. Например, нажатие на глазное яблоко при закрытых веках вызывает такое же ощущение света, как если бы на веки был направлен световой луч. Однако в данном случае речь идет не об эпистемологическом скептицизме³, а о новом позитивном реструктурировании восприятия и его объектов, в рамках которого предлагается иное представление о способностях субъекта⁴. Спор Тренделенбурга с Куно Фишером об априорности проблем, связанных с адаптацией новых зрительных стратегий, но содержание их затрагивает. Любопытно, что рассуждения Гельмгольца об истории философского понимания ощущений могут быть соотнесены с трактовкой Тренделенбургом трансцендентальной эстетики Канта:

¹ Исследование влияния открытий в области физиологии зрения в середине XIX столетия на изменение «культуры взгляда» были произведены Джонатаном Крери. См.: Crary J. Techniques of the Observer: On Vision and Modernity in the Nineteenth Century. Cambridge, 1990. Крери проводит мысль, что в 1830—1860-е годы убежденность в объективности зрения сменяется утверждением концепции субъективного зрения, что приводит к отделению смысла от видимого. Это отделение стимулирует интерес к изучению различных форм визуальных иллюзий.

² В период написания «Логических исследований» и подготовки так и не вышедшего сочинения по психологии Тренделенбург посетил лекции Мюллера, с которыми был дружен. См.: *Writings of E. Adolf Trendelenburg* (1873). Leipzig, 2005. S. 89, 213.

³ Crary J. Techniques of the Observer... P. 89—95.

⁴ Однако, как справедливо подмечает М. Ямпольский, Крери приуменьшает роль логических построений, которые призваны упорядочить хаотичность восприятия. Они разрабатываются, в том числе, и самими физиологами, например, Г. Гельмгольцем (*Ямпольский М. О близком. М., 2001. С. 109—111*).

«Наиболее существенный шаг к правильной постановке вопроса был сделан Кантом в “Критике чистого разума”, где он выводит все действительное содержание знания из опыта, но отличает это знание от того, что в нашем восприятии и представлении обусловлено специальными способностями разума. Чистое мышление *a priori* может приводить лишь к формально верным утверждениям, которые по существу являются необходимыми законами всякого мышления и отожбражения, но не имеют никакого реального значения для действительности, т. е. никогда не могут привести к какому-либо заключению относительно фактов возможного опыта»¹.

Метафора виденья в подчеркнуто повседневном, а не философском словоупотреблении присутствует и у Куно Фишера, когда он принимается рассуждать о месте философии в системе знания. В своем исследовании о Канте Фишер объясняет значение трансцендентальной философии в категориях «близкое — далекое»:

«Я могу рассматривать Айзенах из двух положений (Standpunkten): из ограниченной точки зрения — ниже положение, и высокое — той, что я могу занять на Вартбурге. Оттуда я могу видеть положение, занятое мной ранее, и утверждать, что я этого не мог, пока я его занимал. Используя этот образ, можно сказать, что трансцендентальное положение — это взгляд с Вартбурга, с которого открывается вид на занятую ранее точку зрения. Таким образом, слово “трансцендентальность” хорошо обозначает также то, чем должна быть философия: она должна *возвышаться!*»²

Обращение к этому примеру оказывается вовсе не случайным и будет использовано Фишером в рассуждениях по поводу истории философии:

«Глаз художника, погруженного в работу, видит иначе, чем глаз художника, критикующего, опускающего кисть, отступающего от своей работы и обзирающего целое из удачно выбранной точки наблюдения»³.

¹ Гельмгольц Г. О восприятии вообще // Психология ощущений и восприятия. Хрестоматия по психологии / Под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. В. Любимова, М. Б. Михалевской. М., 2002. С. 45.

² Fischer K. Kant's Leben und die Grundlagen seiner Lehre: drei Vorträge. Mannheim, 1860. S. 99.

³ Фишер К. История Новой философии. Декарт. Его жизнь, сочинения и учение. СПб., 1994. С. 13.

Ното akademikus: предварительные итоги

Борьба 1860—1870-х годов за правильное понимание Канта имела своей предысторией дискуссии 1840 — начала 1850-х годов о верном понимании Спинозы. Накал спора вокруг интерпретации спиновского учения определялся прежде всего факторами идеологического характера. Понимание Спинозы Тренделенбургом было неприемлемым для Фишера из-за опасения, что компромиссная точка зрения — уступки как материализму, так и идеализму, — предложенная Тренделенбургом, приведет к размыванию философии. Подобную логику можно проследить у Тренделенбурга не только в отношении Спинозы, но и в прочтении им Канта. Берлинский философ отстаивает необходимость достижения компромисса между двумя крайними характеристиками пространства и времени. По его мнению, пространство и время должны быть не только объективными или только субъективными, но одновременно и субъективными, и объективными условиями опыта. В данном случае оценка Фишера схожа с вердиктом, вынесенным им в случае спора о Спинозе: если признать предложенный Тренделенбургом вариант, философия Канта потеряет всякий смысл.

Спор о Канте отсылает к сороковым годам еще и потому, что позиция одной из сторон была сформулирована уже в 1840 г. в первой редакции «Логических исследований». Несмотря на то, что Тренделенбург, выступая в 1847 г. в Академии наук, призывает равняться на Спинозу, его доклад по своим интенциям может быть соотнесен с идеями Вайсе, говорившего в том же году о необходимости возращения к Канту. Оба доклада связывали стабилизацию философии внутри университета с ее ориентацией на теоретико-познавательную проблематику, призыв к которой проходил на фоне обращения к истории философии. Тема нового места философии артикулируется не напрямую, а связывается с историко-философскими курсами. Вряд ли причину такого умолчания можно найти в механизмах самоконтроля и списать, выражаясь словами К. Маркса, на «лакейскую природу немецких профессоров», чей образ мысли способен устыдить даже русских крепостных¹. Кажется сомнительным, чтобы члены берлинской Академии наук, бывшие слушателями доклада «О последних различиях...», увидели в историко-философских сюжетах Тренделенбурга блестящие примеры эзопова языка. Исследования по истории фило-

¹ Маркс К. Подлость немецких профессоров [30 ноября 1848] // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 6. С. 87—88.

софии, в которых сейчас можно проследить попытку рефлексии о месте философии, современникам казались вполне самодостаточными, так как представляли переплетение философских размышлений, риторических практик и поведенческих моделей.

«Факт наук — вот основание логической проблемы. Науки с личных пунктов проникают в мир. В случае ошибки поступательное движение наук и их взаимосвязь сообщат о ней. При применении [на практике] они утверждаются и испытывают друг друга. Это является счастливой работой сообщества душ (Geister), которая поколениями проходит через тысячелетия. Науки противопоставляют скепсису факт, обеспокоенному сомнению — растущее творческое дело» (*LU I. S. 130—131; LI I. C. 115—116*),

— эмоционально заявляет Тренделенбург. Философия, согласно его концепции «теории науки», должна методологически упорядочивать другие дисциплины и согласовывать полученные ими результаты. Если в основе философского знания лежат факты, полученные другими науками, то, делает вывод берлинский профессор, само философское творчество может быть организовано в соответствии со стандартами других наук.

«В данных исследованиях обсуждается чужое и предлагается собственное. Последнее было бы невозможно без первого. Ибо собственное должно сначала создать свободное пространство, чтобы иметь возможность двигаться, только тогда можно утверждать что-либо, когда оно отграничит себя от другого» (*LU I. S. III; LI I. C. I*),

— так начинает Тренделенбург предисловие к первому изданию и продолжает:

«Жизнь науки, как и вся жизнь, состоит в борьбе и притом в борьбе не только с противоположными мнениями (Meinungen), но и фактами (Thatsachen), не желающими поддаваться (ergeben) мысли. Да покажет предлагаемый здесь труд, что, служа делу (Dienste der Sache), я предпринял двойную эту борьбу без страха, да и без желания себя выставить» (*LU I. S. III; LI I. C. I*).

Тренделенбург не ограничивается лишь заявлением о намерениях. Результаты реализации этой программы можно заметить в организации самой структуры «Логических исследований». Двухтомное произведение Тренделенбурга не разбито, как это было принято,

на параграфы, но состоит из глав, которые, в свою очередь, разбиты на пункты. Большинство из них посвящено (критическому) обсуждению концепций других философов, как уже давно вошедших в историю философии, так и современных Тренделенбургу¹. Нужно отметить, что если раньше примечания использовались для пояснения сказанного в основном тексте параграфа, то у Тренделенбурга примечания представляют собой лишь ссылки на соответствующие места произведений обсуждаемых им авторов. Таким образом берлинский философ организует процедуры верификации заявленных им тезисов. Poleмика оказывается одним из главных инструментов получения нового философского знания, что объясняет готовность Тренделенбурга вступать в дискуссии по различным философским вопросам. Не меньшее место, чем в философской программе Куно Фишера, в творчестве Тренделенбурга занимали историко-философские исследования. При всей разнице теоретических установок двух этих мыслителей исследования по истории философии в их философских построениях выполняют схожую функцию, организуя определенным образом процесс познания.

Свою диссертацию о платоновском «Пармениде» Фишер заканчивает написанным с красной строки утверждением: «Поэтике „Парменид“ является диалектическим шедевром (Meisterwerk) Платона»². Этот заключительный вывод создает впечатление, что целью работы Фишера был ответ на вопрос, является ли «Парменид» диалектическим шедевром. Однако, как известно, «Парменид» Платона получил высокую оценку уже к двадцатым годам XIX в. Собственно об этом во введении написал и сам Фишер, ссылаясь на работы Шлейермахера, Гегеля и Целлера³. Получается, что диссертация посвящена доказательству заранее очевидного положения. Однако не следует этот парадоксальный ход списывать на неловкость молодого автора или воспринимать его как дань ритуальным условностям, которыми обставлена защита диссертации. В выводе о диалектической гениальности платоновского диалога как итоге стостраничного исследования можно опознать основную процедуру историко-философской программы Фишера. Весь его проект многоотомной «Истории философии Нового времени» можно свести к процессу закрепления за предметом исследования, то есть за учениями философов, изначально утвержденного

¹ Тренделенбург даже специально оговаривает, что структура книги такова, чтобы читатель мог пропустить обсуждения чужих трудов и беспрепятственно проследить ход рассуждения автора (*LU I. S. V; LI I. C. VI*).

² Fischer K. De Platonico Parmenide... S. 103.

³ Там же. S. 2.

статуса. Способ формирования канона истории философии у Фишера может быть соотнесен с его убеждением, что «близкое лучше видно издалека», подразумеваемым элиминацию пространства между исследователем и предметом исследования. Пройдя процесс утверждения, изучаемое философское учение становится фактом философии подобно тому, как в концепции Тренделенбурга факт науки, будучи соотнесенным с целым, становится фактом философии. Несмотря на свои декларации, Тренделенбург не занимается специальным осмыслением научных открытий, а его философская деятельность вряд ли соответствует стандартам современной методологии науки. Тренделенбург как философ сосредоточивается на исследовании истории философии, видя в ней, как и К. Фишер, материал для производства нового философского знания.

Учение любого «великого» философа при таком подходе само по себе становится фактом. Доклад Тренделенбурга «Об окончательном различии...» оказывается в этом отношении показательным. В нем Тренделенбург критикует названия философских школ, образованные от ключевых теоретических понятий, так как в этом случае имеет место слишком большая смысловая неопределенность (например, идеализм, эмпиризм и др.). Стремясь к точности определения, Тренделенбург, наряду с классификацией на «системы силы» и «системы мысли», предлагает образовывать названия школ и направлений от имен собственных, т. е. от имен философов-основателей (например, платонизм, демокритизм и др.). В этом случае, по мнению Тренделенбурга, история философии выступит хорошей эмпирической базой, позволяющей легко осуществлять проверку, а обращение к истории стабилизирует положение философии в системе наук¹.

Таким образом, историко-философские исследования должны были сконструировать традицию и показать преемственность современной философии. Формирование философских школ, развитие академических жанров, — всё это свидетельствовало о том, что философ становился наследником традиции, в развитие которой должен был внести свой самый значительный вклад. «Малые» жанры — статьи и рецензии, возможности публикации которых расширились с появлением новых периодических изданий, — хорошо подходили для этой цели.

Как справедливо указал Клаус Кёнке, отличительная черта стопа Тренделенбурга и Куно Фишера о Канте заключалась в том, что

¹ «Философия никогда не достигнет своего прежнего влияния, не обретет зримого положения, пока она не станет расти таким же образом, как растут другие науки, пока не будет развиваться непрерывно, без того, чтобы в каждой голове заново начинаться и снова заканчиваться, но исторически принимать и продолжать исследования проблем» (LUI. S. X; LI I. S. IX).

он не выходил за пределы круга профессионально образованных философов¹. Выбор такой «целевой группы» определил то значение, которое этот спор имел для дальнейшего развития философии. В отличие от дискуссии вокруг Спинозы, спор о Канте был направлен не на установление внешних границ философского знания, а на консолидирование самого философского пространства. Poleмика Тренделенбурга и Фишера способствовала формированию новых поведенческих и риторических моделей, характерных для профессиональных философов. Случай Германа Когена в этом отношении является хорошим примером²: молодой исследователь, одно время учившийся у Тренделенбурга, получил широкую известность, опубликовав в берлинском «Журнале этнической психологии и науки о языке» статью «К спору между Тренделенбургом и Куно Фишером». В том же году вышла и первая монография будущего лидера Марбургской школы неокантианства.

II. Фюрлато

«Естественное чувство системы ради единства разума»: Герман Коген как читатель кантовской философии истории

Философию истории Канта Коген наиболее подробно разбирает в последней главе второго издания своей книги «Обоснование этики Кантом» (1910)³. Ядром этой главы является довольно обстоятельный комментарий к работам, написанным Кантом по этой теме. Они расползаются в хронологическом порядке, начиная с появившейся в 1784 г. «Идеи всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» до вышедшей в 1798 г. в «Споре факультетов» статьи «Находится ли род человеческого на пути неуклонного прогресса к лучшему»⁴.

¹ Köhnke K. Entstehung und Aufstieg des Neukantianismus... S. 258.

² О содержательной близости Когена и Тренделенбурга см.: Orth E. W. Trenchelburg und die Wissenschaft als Kulturfaktum // Hermann Cohen und die Erkenntnistheorie. Hrsg. von W. Marx und E. W. Orth. Würzburg, 2001. S. 49—61; Дмитриева Н. А. Русское неокантианство: «Марбург» в России. Историко-философские очерки. М., 2007. С. 47—53.

³ Cohen H. Kants Begründung der Ethik. 2., erweiterte Aufl. (1910) // Cohen H. Werke. Hrsg. vom Hermann-Cohen-Archiv am Philosophischen Seminar der Universität Zürich unter der Leitung von H. Holzhey. Bd. 2. Einleitung von P. Müller und P. A. Schmid. Hildesheim; Zürich; N. Y., 2002.

⁴ См.: Кант И. Спор факультетов / Пер. с нем. Ц. Г. Арзакяна, И. Д. Колцева, М. И. Левиной; отв. ред. Л. А. Калинин. Калининград, 2002. С. 188—222.